

Е.В. Беляева

УДК 172

«Этика ответственности» как тип теории морали в сравнении с «этикой долга» и «этикой блага»

Аннотация. Текст посвящен сравнению «этики ответственности» с «этикой блага» и «этикой долга» по тем параметрам, которые характеризуют любую теорию морали: ключевая категория, сущность и специфика морали, тип морального субъекта. Это позволяет обосновать существование «этики ответственности» как особого типа теории морали, способного стать основой нравственной жизни современного человека. «Этика ответственности» полагает, что сущность морали – это ответственное в пределах своей компетенции поведение, обеспечивающее благоприятное разрешение проблемной ситуации.

Ключевые слова: ответственность, этика долга, этика блага, этика ответственности, моральный субъект, сущность морали, специфика морали.

Введение

Контуры «этики ответственности» как специфического типа теории морали все более заметно проступают в этической мысли последнего столетия, но особенно отчетливо тенденция к радикальной смене теоретической парадигмы в этике наблюдается в XXI веке. Нравственные процессы в современном обществе, а главное – сам тип субъекта морали, стали радикально отличаться от тех, описывать и объяснять которые были призваны классические и даже постклассические этические учения.

Между тем деление этических учений на классические и постклассические (либо классические – неклассические – постклассические) не отвечает собственной логике этической мысли и системе ее категорий, в которой за столетия сложились устойчивые способы построения теории морали. В результате образовалось два типа теорий, которые условно можно обозначить как «этика блага» и «этика долга», альтернативу которым и стремится найти «этика ответственности».

«Этика блага» восходит к Аристотелю, который конституировал этику как учение о высшем благе и о добродетелях как качествах человека, способствующих достижению этого блага. Впоследствии высшее благо стало обозначаться понятием «добро», а мораль пониматься как стремление человека к специфическому виду блага – добру. Для множества классических этических учений построение

теории морали заключалось в определении «истинного добра», сопряженной с ним иерархии ценностей и обосновании их значимости. «Этика блага» анализировала и обосновывала традиционную нравственность, изначально присущую традиционным обществам и противостоящую нравственности модерна. До тех пор, пока традиционная нравственность исторически господствовала, «этика блага» оставалась вне конкуренции. Её слабость проявилась тогда, когда сами ценности и способы регуляции традиционной нравственности были поставлены под вопрос.

«Этика долга», главным теоретиком которой является И. Кант, интерпретирует мораль как способ регуляции поведения, связывает её специфику с особой формой нормативности. Такая этика считает главной задачей теории морали обоснование феномена должностования и придание ему абсолютной обязательности за счет разума. Когда Европа встала на путь модернизации, сама сущность морали изменилась. Нравственность эпохи модерна и соответствующая ей «этика долга» стали возможны благодаря возникновению новоевропейского субъекта сознания и деятельности, способного к самополаганию моральных норм. Недостатки такого способа нравственной жизни и теоретического способа его обоснования стали заметны по мере постмодернизации и ретрадиционализации социальной реальности.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы сравнить «этику блага» и «этику долга» с «этикой ответственности» по ключевым параметрам, характеризующим любую теорию морали, и обосновать существование «этики ответственности» как особого типа теории морали, способного стать основой нравственной жизни современного человека. Предпосылки такой типологии теорий морали содержатся в статье А. А. Гусейнова «Закон и поступок (Аристотель, Кант, М. Бахтин)» [9], в которой своеобразие этических идей перечисленных мыслителей было соотнесено с типами нравственности, сложившимися на различных этапах исторического развития.

Социокультурные предпосылки «этики ответственности»

В качестве социокультурных предпосылок становления «этики ответственности» можно указать на общие радикальные перемены мира и места человека в нем.

Современный мир характеризуется как глобальный, глубоко и всесторонне взаимосвязанный, мир, в котором любая проблема затрагивает интересы каждого. Экономический кризис и пандемия, экологическая проблема и социальная революция, имея локальное начало, неизменно получают глобальное распространение. При этом

человек осознает себя как жертвой этих процессов, так и их источником, а потому обязан принять участие в разрешении им же порожденных проблем. Становится очевидным, что только совместные действия людей могут привести к существенным изменениям положения вещей, однако тип действия и характер «совместности» должны существенно отличаться от социальной практики эпохи модерна, организованной посредством идеологии и приведшей к омассовлению социума. Ощущается потребность не в преобразующих, а в «исцеляющих» действиях, в разделении и структурировании ответственности внутри человеческого единства. Кроме того важнейшей проблемой глобального мира стало сохранение его многообразия, которое приобрело нравственный характер; и противоположная проблема – выработки правил взаимодействия в крайне «индивидуализированном обществе» (З. Бауман).

Другая характеристика современного мира – это его неустойчивый, рискованный характер; из ойкумены, дома, объемлющей основы человеческого существования «окружающий мир» превратился в пространство перманентного кризиса, неконтролируемого хаоса, в котором человек продолжает настойчиво действовать и пытается управлять собственной жизнью, в том числе построить ее как хорошую, правильную, ответственную.

Третья характеристика современного мира обусловлена распространением электронных коммуникаций и возникновением виртуальной реальности, сложно переплетенной с реальностью материальной. Вовлеченность в электронные сетевые коммуникации принципиально изменила способы взаимодействия моральных субъектов, не только содержание, но и механизмы моральной регуляции. Эта не существовавшая прежде реальность целиком порождена человеком и находится в сфере его ответственности.

В такой «ситуации человека в мире» (К. Ясперс) субстанционалистская «этика блага» и рационалистическая «этика долга» стали испытывать затруднения в том, чтобы обосновать моральную регуляцию и нормативно-ценностную ориентацию человека. Под вопросом оказались поставленные и абсолютно онтологические основания, на которых покоилась «этика блага», и абсолютность разума как основание «этики долга». В глобальном, рисковом, виртуальном мире стали складываться новые способы нравственной жизни и соответствующая им «этика ответственности».

«Этика ответственности»:

контексты употребления термина в научной литературе

Поскольку категория ответственности относится не только к этике, а проблематика «этики ответственности» не только к истории

этических учений, научная литература по данной тематике не только обширна, но и разнородна.

Во-первых, слово «ответственность» чаще всего встречается в юридическом контексте; а поскольку правовые и моральные аспекты ответственности тесно переплетены, то разговор о мере нравственной ответственности различных субъектов права становится предметом «этики ответственности» в юридических дисциплинах.

Во-вторых, поиск по ключевым словам «этика ответственности» выводит на литературу, посвященную ответственности ученого, врача, юриста, представителя СМИ, рекламы, корпоративной социальной ответственности бизнеса. Ответственность в ней рассматривается как составляющая некоторых профессиональных этических кодексов или самостоятельных сфер деятельности, ответственность профессионала трактуется как следствие его общественной миссии, а «этика ответственности» – как прикладная этика.

Третий контекст употребления словосочетания «этика ответственности» – это глобальные проблемы современности, порожденные способностями человека радикально преобразовывать среду своего обитания. К ним относятся возможности современной науки не только познавать, но и изменять свойства познаваемых объектов, а также воздействие техногенной цивилизации на природу, приведшее к экологическим проблемам. Здесь речь идет о таких вещах, как ответственность ученых за результаты научного познания и совокупная ответственность человечества за сохранение природной среды. Данная проблематика имеет по преимуществу прикладной характер, исследования направлены на решение обозначенных проблем. Категориальный же анализ осуществляется для того, чтобы обеспечить этим рассуждениям теоретическую поддержку. Так, после выхода книги Г. Йонаса «Принцип ответственности: опыт этики для технологической цивилизации» [11] появились многочисленные публикации, в которых развитие этики ответственности связывалось почти исключительно с прикладными экологическими проблемами. Теоретический же потенциал рассуждений Г. Йонаса остался в тени.

В-четвёртых, понятие ответственности является полноправной этической категорией и исследуется в контексте различных проблем теории морали (свобода и ответственность, ответственность и вина, ответственность личности и коллективная ответственность) [15, 16], но не рассматривается как главная, системообразующая категория теории морали, подобно категориям добра и долга.

Наконец, пятый подход – это собственно этико-философская постановка проблемы, предполагающая разработку «этики ответственности» и выявление ее специфических характеристик среди

других теорий морали, чему и посвящена данная статья. В XX веке на почве критики теоретико-методологических и нормативных стратегий «проекта модерна» и присущего ему способа этической рефлексии, воплощением которого выступала философия И. Канта [7], стали разрабатываться философские концепции, центрированные категорией ответственности. «Этика ответственности» критикует «этику долга» за навязывание относительных, по сути, принципов в качестве универсальных, за неспособность помочь в решении реальных проблем по причине абсолютизации разрыва должного и сущего. Первые наброски такого подхода принадлежат Максиму Веберу, который в работе «Политика как призвание и профессия» доказывал несостоятельность кантовской «этики убеждения» в области политической деятельности и постулировал необходимость перехода к «этике ответственности», которая заботится не только о чистоте мотивов нравственных действий, но и об эффективности их последствий [8]. В середине XX века Т. Адорно подверг критике этику Канта и говорил о необходимости этики ответственности, главным признаком которой также провозглашался консеквенциализм [1]. Впоследствии внимание к теоретическому наполнению данной категории было привлечено в книге Х. Арендт «Ответственность и суждение», поставившей проблему личной и коллективной ответственности при диктатуре [6]. У М. Вебера, Х. Арендт и Т. Адорно этика ответственности не разрабатывалась как полноценная теория морали, необходимость новой концепции доказывалась «от противного», в противовес этическим идеям И. Канта, и была обусловлена социально-политическим контекстом.

Между тем, в XX веке был создан ряд влиятельных теорий морали, которые могут быть причислены к «этике ответственности», вне зависимости от их историко-философской атрибуции и самопрезентации. К этой группе можно отнести экзистенциализм Ж.-П. Сартра, этику дискурса К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса, этику поступка М. М. Бахтина, феноменологическую этику Э. Левинаса и П. Рикёра, теоретические идеи Г. Йонаса и Х. Ленка. В русскоязычной литературе произведением такого рода является книга В.А. Канке «Этика ответственности. Теория морали будущего» (который, однако, полагал «этику ответственности» разновидностью «этики ценностей», а не самостоятельным типом этической теории) [12].

Каждый из перечисленных авторов напрямую связывал этику и онтологию, разрабатывал онтологию морального субъекта, давал новое представление о его структуре и способах отношений с миром. Все эти теории морали объединяет антиметафизичность, методологический индивидуализм и фигура Другого, рефлексивность, комму-

никативность, консеквенциализм, ситуативность, антинормативный характер. Каждый из философов стремился построить теорию морали за пределами антитезы «этика долга» vs «этика блага» или осуществить синтез обеих традиций, характеризуя сущность морали посредством категории «ответственность».

Таким образом, к началу XXI века стало возможным говорить об «этике ответственности» как принципиально новом типе теории морали, который отчетливо прослеживается в истории этических учений. Этот новый тип теории морали призван обосновать нравственную жизнь современного человека, в которой произошли столь значительные изменения, что нормативно-ценностные установки, диктуемые предыдущими теориями морали, оказались недостаточными.

Структура теории морали

Для того, чтобы сопоставить различные теории морали, необходимо выдвинуть параметры их сравнения. Сложность решения данной задачи обусловлена тем, что методология построения этической теории странным образом является малоразработанной областью знания. Этическая концепция либо заимствует свои теоретико-методологические основания из соответствующего направления в философии, либо просто пользуется уже сложившимися за столетия приемами построения теории морали. Мало кто предпосылает собственным студиям рассуждение о том, из чего должна состоять всякая теория морали, на какие вопросы она должна ответить.

«Теория – в широком смысле – комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле – высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности – объекта данной теории» [18]. Исходя из этого определения и общенаучной методологии, всякая теория должна построить категориальную модель своего объекта, позволяющую познать его сущность и закономерности развития, и на этой основе предсказывать поведение этого объекта в различных обстоятельствах.

Соответственно, задачей теории морали является познание данного феномена в категориях и способность не столько предвидеть, сколько предписать пользователю данной теории эффективную нравственную стратегию и тактику поведения. Любая из многообразных этических теорий, которые классифицируются по множеству оснований, должна выполнять эту задачу. Поэтому процесс теоретического моделирования морали предполагает следующие операции: определение сущности морали и разработку ключевой категории,

обозначающей эту сущность; выявление специфики морали по сравнению с другими явлениями; построение модели морального субъекта; создание программы поведения и взаимодействия таких субъектов. Теория морали обычно опирается на онтологические, гносеологические или антропологические идеи философии, но ассимилирует их на своем категориальном языке.

Ключевые категории трёх типов теорий морали

Как на уровне обыденных интуиций, так и на уровне философских определений, мораль – это способность различать добро и зло, следовать первому и отвергать второе. Со времен Ветхого Завета эта фундаментальная категориальная оппозиция задает сущность морали. Притом собственно «добро» как категория, обозначающая специфически моральную ценность, отделяется от общеаксиологической категории «блага» достаточно поздно. В частности, в этике Аристотеля (кстати, как и в современной биоэтике) человеку предписывается «делать благо», а не «делать добро». В словаре Брокгауза и Евфрона благо и добро объединены в одну статью, в которой проф. И.Е. Андреевский ведет речь по преимуществу о благе [2]. А в Новой философской энциклопедии, изданной в 2010 г., уже добро в широком смысле означает благо, а в тексте речь идет об этических проблемах, сформулированных с использованием понятия «добро» [3]. Но словосочетание «этика добра» не встречается.

Поскольку добро является главной этической ценностью, то теории, в центре которых находится данная категория, могут быть названы и «этикой ценностей» (хотя в узком смысле так именуется феноменологическая концепция М.Шелера). В рамках неоаристотелизма второй половины XX века, после работ Э. Энском и А. Макинтайра получило распространение такое обозначение этих этических учений как «этика добродетели». Следует сказать, что и «этика ценностей», и «этика добродетелей» сознательно противопоставляли себя «этике долга» и получили свою атрибуцию на ее фоне. Наконец, в современной англоязычной литературе доминирует разделение этических теорий на утилитаристские и деонтологические. К последним, опять-таки, относятся теории, опирающиеся на кантовскую идею долга, а утилитаристские центрированы категорией блага, понимаемого как польза. При таком разнообразии наименований данной группы учений предлагается остановиться на самом древнем и широком понятии «благо» и обозначить такой тип теорий морали как «этику блага», которая строится вокруг добра как ключевой категории и высшей нравственной ценности.

Категория «долг» также имеет длительную историю формирования. В древнейших законодательных текстах на индоевропейских

языках концепт «долг» означает «нечто отрезанное, отделённое и отдалённое от действительности», при этом «отдаленно-желательное» [13]. Значимость механизма долженствования как центрального для морали осознается постепенно, в основном через понимание разнообразных конкретных обязанностей. Только в эпоху модерна в этике Канта долг оказывается центральной категорией этики, обозначающей сущность морали. Ретроспективно и другие этические учения начинают видаться как деонтологические (кинники, стоики, некоторые разновидности христианской этики, Дж. Ролз, У. Росс). И наконец, под влиянием критики всей философской стратегии Просвещения и, более широко, модерна, наименование «этика долга» (duty-based ethics, deontological ethics) окончательно устанавливается в научной литературе.

Перемещение категории ответственности в центр этической теории связано с тем, что сущность современной морали изменилась, и ответственность (периферийная, хотя и важная особенность морали) стала системообразующей для нее. Понятие ответственности закладывается в древнеримском праве и только постепенно получает нравственное толкование. «В русском языке слово “ответственность” появилось довольно поздно. В словаре русского языка XVIII в. этого слова еще нет, хотя есть причастие “ответственный”, связанное с глаголом “отвечать”» [10, 19]. В силу неразрывной связи темы ответственности с темой свободы, реальное социальное и духовное освобождение личности становится предпосылкой того, чтобы и субъект, и предмет его ответственности стали постепенно расширяться. В результате, во второй половине XX века был разработан ряд этических учений, которые поставили категорию ответственности в центр теории морали.

Сущность и специфика морали в трех типах теорий морали

Мораль как ценностная ориентация. В «этике блага» мораль трактуется как жизненная ориентация человека на основе объективно значимых ценностей, ее сущность определяется содержанием этих ценностей (в первую очередь, добра), акцентируется не императивный, а аксиологический аспект морали. Поскольку в такой этике добро зачастую укореняется в онтологии мира, она характеризуется как субстанциональная, а поскольку указывает на высшее благо как цель жизни, – как телеологическая.

Сущность морали в рамках «этики блага» наилучшим образом обобщена Р.Г. Апресяном. «Мораль в общем смысле и есть определенные по содержанию ценности. Это ценности блага, блага для индивида, а также солидарности и единства между индивидами как ... носителями блага» [4, 61]. Эта ценностная структура морали универ-

сальна, так как «прослеживается в различных ценностно-императивных комплексах всех известных культурных традиций» [5, 125]. Обосновывая, какие именно ценности относятся к моральным, Р.Г. Апресян пишет: «мораль – система ценностей, побуждающих людей стремиться в своих суждениях, решениях и действиях к содействию благу других (индивидов и сообществ), и делать это наилучшим образом, ориентируясь на идеал совершенства» [5, 125]. Все культуры признают необходимым ограничение эгоизма, сдерживание своих интересов, признание чужих интересов и бескорыстное содействие благу другого. К специфическим ценностям такого рода относятся ненасилие, любовь, солидарность, сострадание, забота, альтруизм.

В целом, список моральных благ, ценностей или видов добра в «этике блага» сохраняет определенную устойчивость. Во всех исторических изменениях нравственность человека определяется правильным (в разных традициях – разным) отношением к родственникам, традиционным сексуальным поведением, заинтересованным отношением к собственной деятельности, благожелательным отношением к окружающим людям и к сообществу, а также уважением идеального основания моральных заповедей. Что и составляет аксиоматический набор нравственных ценностей «всех времен и народов».

«Этика блага» трактует сущность морали содержательно, объясняя индивиду, что нужно делать, как делать и каким нужно быть (добродетельным, совершенным) для того, чтобы вести нравственную жизнь. Этические учения такого типа построены, как учения о правильной и благой жизни, т.е. концепций, в которых теоретические задачи подчинены нормативным, описание и объяснение морали служат обоснованию вполне определенной морали. При определении добра эти теории стремятся не к абстрактно-логической правильности дефиниции, а к определению критериев, отделяющих нравственное от безнравственного, добро от зла, к формулировке конкретных содержательных жизненных установок.

В контексте «этики блага» есть теории, которые полагают, что моральные ценности обладают выраженной спецификой. В них добро значимо само по себе, несводимо ни к какому другому явлению или понятию, самодостоверно. Есть и такие теории, для которых моральные ценности включены в единое аксиологическое пространство, а добро соотносено с потребностями «истинного», «нормального» человека как индивида или как родового существа. Оно оказывается растворённым во всех формах социальной практики, специфика морали не представляется важной проблемой, степень ее реализации повышается. Мораль становится привлекательной для индивида,

который сможет увидеть в моральном поведении и образе мыслей собственное благо.

Мораль как нормативная регуляция. «Этика долга» интерпретирует мораль как специфический способ регуляции поведения, главным ее проявлением считается феномен долженствования. Обоснование морали осуществляется здесь за счёт процедур, способных придать долженствованию обязательность, т.е. абсолютизируется императивный аспект морали. Источником долженствования у И. Канта стал разум, имевший трансцендентную природу, а исполнение долга приобрело вид самозаконодательства воли.

В современной этической литературе такой подход может быть обозначен как функциональный в противовес субстанциональному: отнесение того или иного феномена к числу моральных обусловлено способом его функционирования [4, 61]. В такой теории морали нет содержательных представлений о моральном благе, оно определяется в процессе долженствования. Содержание моральных правил может меняться, общей остаётся лишь форма вменения требований, которая носит универсальный и абсолютный характер. Никакие поступки, идеи или отношения не считаются добрыми сами по себе, они обретают нравственный смысл в том случае, если выстраиваются в соответствии со специфическими правилами моральной регуляции.

Особенность механизма моральной регуляции заключается в том, что требования морали предъявляются личностью к самой себе, в бескорыстии ее мотивации, в неинституциональности воздействия и духовных санкциях за нарушение норм. Моральные требования предъявляются как всеобщие, обобщенные, объективные, абсолютные и универсализуемые (независимо от того, что в социальной реальности они весьма относительны и условны).

«Этика долга» связывает нравственность с поведением на основании внутренних рационально обоснованных убеждений личности, со следованием принципам, вменяемым в обязанность. Таким условиям в наибольшей степени отвечает нравственность автономных рациональных индивидов эпохи модерна. Этика долга предписывает равное нравственное отношение ко всем субъектам морали, она не смешивает моральную мотивацию с психической, а также не отождествляет следование долгу с конкретными социальными обязанностями. Именно такие характеристики приписывал морали И. Кант, теория которого представляет собой наиболее последовательное воплощение «этики долга» и в то же время отражает глубокую перестройку нравственной реальности при переходе от традиционных обществ к обществам модерна.

В рамках «этики долга», которая акцентирует динамические аспекты нравственности, легче объяснить образование ее новых исторических форм, появление новых систем нравственных ценностей, новых «видов добра». Привлекательность этой модели состоит в том, что она рассматривает человека как автономного рационального субъекта морали, придавая ему величайшее человеческое достоинство на основе исполнения универсальных законов. Такой субъект в любой ситуации выбирает в реальности те аспекты, которые получают статус добра, на основе саморегуляции у него есть шанс изобрести моральные смыслы за границами традиционных содержаний.

Мораль как ответственное поведение. Для «этики ответственности» нет онтологически фундированного добра, к которому можно стремиться и тем оправдать свою жизнь как нравственную. В «текущей современности» (З. Бауман) блага слишком релятивны, в плюралистическом мире у каждого своё благо, не то что несовместимое с благом других, но часто непонятное для других участников нравственных отношений. Точно так же в непостоянном мире нет и рационально аргументируемого долга, универсального способа моральной регуляции. Однако даже в такой ситуации у человека «нет алиби в бытии» (М. Бахтин), поэтому он не может жить безответственно, не стремясь к нравственной жизни.

«Этика ответственности» полагает, что сущность морали – это ответственное в пределах своей компетенции поведение, обеспечивающее благоприятное разрешение проблемной ситуации. Безнравственный – не тот, кто сделал зло (он, может быть, зла и не делал), и не тот, кто не выполнил долг (в этой ситуации, возможно, должное и не было предписано), а тот, кто уклонился от ответственности, от самостоятельного решения и поступка в ситуации, от самого усмотрения чего-то в качестве ситуации, вызывающей к моральному поступку. Соответственно, нравственный – тот, кто способен разрешать проблемные ситуации, берет их в свои руки, проявляет решимость к поступку, чей специфический тип бытия – бытие самостью – обеспечивает такую способность.

Трактовка категории ответственности в данном типе этической теории отчасти обусловлена изменившейся трактовкой соотношения детерминизма и свободы в постнеклассической философии. Типы детерминизма обозначаются в современной научной литературе как лапласовский – вероятностный – синергетический (Ю. Сачков [17]). Или как линейный – нелинейный – фрактальный (Г.П. Меньчиков [14]). Третий вид детерминизма не просто выделяет место для человеческой свободы, а значит, и ответственности, но предполагает ее. Ответственность мыслится как онтологическая характеристика, свой-

ство бытия человека и фактор самоорганизации этого мира. В силу этого ответственность не возлагается на человека извне какими бы то ни было инстанциями и институциями, а берется им самостоятельно или даже производится самим способом присутствия. В неустойчивом рисковом мире, где ответственное поведение человека является важнейшей составляющей процессов детерминации, определяющей характер его динамики.

Данная трактовка ответственности разрывает связь ответственности с категорией вины, рассматривает ее не как ретроспективное воздаяние за нарушение предписанных правил, налагаемое инстанцией авторитета. Такая «ответственность перед» законом божьим, природным, юридическим неизменно свидетельствовала о слабости, принципиальной греховности и виновности личности. Позитивная же «ответственность за» имеет проспективный характер, обращена в будущее и зиждется на способности субъекта полагать собственный закон в этом мире, принимать решение относительно его преобразования и вносить свою ответственность как вклад в сохранение и продолжение жизни этого мира. Наглядной моделью такой свободно избираемой и неотменяемой «ответственности за», вторгающейся в ткань бытия с целью его сохранения, Г. Ионас считал ответственность за ребёнка, существование которого по своей природе нуждается в длительной бескорыстной заботе взрослых [11].

При расположении ответственности в центре теории морали она, с одной стороны, становится всеобъемлющей и абсолютной («я отвечаю за все и за всех»), а с другой – мыслится как совершенно конкретная, ситуативная (за жизнь этого Другого в данных условиях). Поэтому для такой теории важнейшим становится вопрос о разделении ответственности между субъектами, каждый из которых принимает на себя решения и вносит вклад в событие. В частности, в экологической этике есть определенный подход к распределению ответственности: между ЮНЕСКО (которая выпустит этический кодекс), национальными правительствами (которые запретят одноразовую посуду, бензиновые двигатели, введут налоговые льготы для пользующихся электротранспортом), предприятиями (за свои выбросы), семьями (за организацию домашнего хозяйства с отдельным сбором мусора) и личностью (которая откажется от косметики, тестируемой на животных, придет в магазин со своим пакетом) и т.п. Способность моральных субъектов к ответственности во многом определяется их силой в широком смысле слова, в том числе моральной силой. Здесь кантовское правило «должен – значит можешь» (долженствование обязывает смочь) преобразуется в «можешь – значит

должен» (долженствование предписывает субъекту реализовать его специфическую силу).

Разработка «этики ответственности» как на метафизической основе (Э. Левинас), так и на прикладной экологической (Г. Йонас) показывает, что основным объектом «этики ответственности» является бытие живого Другого. Древнейшая заповедь «не убий» расширяется до необходимости беречь всякую жизнь и способствовать ее развитию, делается акцент на инаковости, нетотализируемости того, на кого обращены мои нравственные действия, а также на рискованной природе ответственного поступания в современном мире и негарантированном его результате.

В «этике ответственности» специфическим для морали оказывается не содержание ее предписаний и не форма ее требований, а тип дискурса и производимого в нем смысла – смысла жизни, человекомерного смысла события. Мораль здесь то, что сохраняет жизнь Другого, жизнь всего живого, дает силы жить самому субъекту морали. Пресловутая проблема смысла жизни становится повседневной и предполагает не теоретический ответ на вопрос «в чем смысл жизни?» и привнесение его в жизнь, а практическое производство смысла в дискурсивных актах речи и деятельности. Такая способность морального субъекта производить смысл определяется способом его бытия в изменчивом мире, что и зафиксировала философия XX века.

Моральный субъект в трех типах теорий морали

Добродетельный гражданин «этики блага». Характеристики морального субъекта «этики блага» лучше всего представлены в сочинениях Аристотеля. В них субъект морали – это добродетельный гражданин полиса, его нравственное поведение протекает в социуме, что изначально говорит о морали как определенного рода социальной адаптации. Среди способностей аристотелевского морального субъекта разум занимает почетное место, однако для осуществления конкретных нравственных поступков ему необходим фронезис, практическая мудрость, позволяющая познать и реализовать благо в данном частном случае.

Добродетель как нравственное качество личности не редуцируется ни к количественным параметрам поведения, ни к списку нормативных предписаний. У Аристотеля речь идет не только о множестве добродетелей как нравственных качеств, необходимых для успеха в различных видах деятельности, но и о добродетели как некоем целостном качестве индивида, манифестацией которого и является мораль. «Добродетельный индивид является добродетельным не в силу того, что он в своем выборе следует определенным независимо от него заданным и существующим этическим критериям. Напротив,

конкретный выбор приобретает этическое качество по той причине, что он является выбором (поступком) добродетельного индивида» [9, 8]. Быть нравственным для такого человека означает стремиться к благу, к ценностям, значимость которых укоренена в социальном бытии.

Мотивацией морального субъекта «этики блага» является стремление к счастью, которое рассматривается как естественное и нравственное. Представления Канта о чистоте, незаинтересованности, непрагматичности, бескорыстии мотива как специфической черте моральной регуляции здесь не имеют смысла. Стремление к счастью как высшему нравственному благу не эгоистично и не корыстно, так как само его содержание включает благую жизнь в семье, наличие друзей («счастливый нуждается в друзьях»), социальную самореализацию, при которой политическое взаимодействие суть продолжение и высшая форма этического общения между людьми.

Понятно, что в последующие эпохи описанное благостное положение вещей подвергается теоретическому сомнению и практическому разрушению, однако и в последующих теориях морали, построенных как «этика блага», моральный субъект рассматривается как социально адаптированный индивид, моральные мотивы которого находятся в единстве с его психологическими мотивациями и социальными привычками. В той степени, в которой люди продолжают жить сообществами, основанными на непосредственных личных контактах, субъект традиционного способа нравственной регуляции и «этики блага» воспроизводится.

Автономный рациональный индивид «этики долга». Моральный субъект «этики долга», сконструированный И. Кантом – это автономный рациональный индивид, для которого быть нравственным означает на основе внутренних убеждений выполнять долг, следовать принципам, вменяемым в обязанность. Такой активный, деятельный субъект, сложившийся в эпоху модерна, принципиально отличается от субъекта морального сознания и поведения, господствовавшего в традиционной нравственности. Индивид перестал быть «узлом» в системе социальных связей, но начал сам строить эти связи по своему разумению. Соответственно и в морали личность стала формировать собственные убеждения, придавать им устойчивость за счет рациональной аргументации, а затем вступать в нравственное взаимодействие с другими автономными субъектами. Способом обоснования равноправия субъектов морали стало универсалистское представление о разуме, построение этики на принципах такого разума, этики, обращенной ко «всякому разумному существу».

Моральный субъект «этики долга» отличается тем, что способен рационально мотивировать свое поведение, самостоятельно формировать свое мировоззрение, строить непротиворечивую систему убеждений. Внутренне осознанное нравственное требование, сформулированное как принцип, становится для личности основанием для совершения поступка. Рациональность моральной аргументации позволяет индивиду самостоятельно, без обращения к внешнему авторитету, но силой «одного лишь разума» осуществлять позитивный моральный выбор. Целостность, последовательность и непротиворечивость системы нравственных принципов признается обязательной «для всякого разумного существа»; а принципиальность – важнейшим моральным качеством.

Могущественная, открытая Другому личность «этики ответственности». Для морального субъекта «этики ответственности» быть нравственным означает принимать на себя ответственность за благоприятное разрешение проблемных ситуаций. До сих пор нет устоявшегося представления о том, в каких терминах теория морали должна охарактеризовать его особенности. Начиная с того, что сам термин «субъект» кажется не слишком удачным, так как общая концепция субъекта в европейской философии, начиная с Нового времени, предполагала противопоставление субъекта объекту (В. Лекторский). При этом субъект (подразумевается человек) мыслился как активное преобразующее начало познания и деятельности, а объектом оказывался окружающий мир, подлежащий преобразованию в соответствии с целями субъекта. С очевидностью современная «ситуация человека в мире» предполагает иное его отношение к этому миру, и на повестке дня стоит включение в число субъектов морали не только людей, но и всех живых существ, а также роботов, искусственного интеллекта, виртуальных личностей и т.п. В то же время активность остается важнейшей характеристикой морального деятеля, поэтому в некоторых текстах он получает наименование «актера», «агента». Принципиальным отличием данного типа субъекта является то, что его активность не сводится к активности мышления (которая потом только реализуется в действиях), а сразу проявляется в поступках как целостных актах самости.

В отличие от кантовской модели трансцендентального субъекта, структура которого предполагалась априорной, идентичность нового субъекта имеет гибкий, модульный характер (З. Бауман), определяется способностью к самопреобразованию (П. Рикёр). Его характеризует не автономия как самоидентичность, а открытость, разомкнутость (Э. Левинас, М. Хайдеггер). Высокая степень индивидуализации человека в современном мире позволяет обращаться к

таким обозначениям морального субъекта, как «Я», «личность», «персона», а рассмотрение проблемы его идентичности побуждает обозначить его как «самость». В то же время важнейшей особенностью субъекта «этики ответственности», зафиксированной в философии XX века, является его конституирование посредством фигуры Другого. Это обстоятельство задает опять-таки не автономную, а коммуникативную природу субъекта в «этике ответственности».

В результате наблюдений за изменениями в структуре моральной субъектности складывается впечатление о принципиальной невозможности ее сведения к отдельным характеристикам. Появляется потребность говорить о том, *кто* совершает моральные поступки, *кто* имеет моральные убеждения, *кто* принимает на себя ответственность. Субъект не имеет специальных характеристик, несводим к своим проявлениям, а потому неопределим никакой дефиницией, выступает нейтральным наблюдателем по отношению к любой ситуации, именно поэтому и оказывается чистой спонтанной активностью, прорывающей ситуацию и способствующей ее разрешению: можешь – значит должен. Такая точка внеходимости делает субъекта абсолютно рефлексивным, а различие рефлексивности и рациональности задает специфику нового рационализма в этике. Наряду с онтологической структурой субъекта, «этика ответственности» раскрывает и гносеологическую его структуру. На смену нравственному разуму эпохи Просвещения приходит новый рационализм. Главная разница состоит в том, что классическая рациональность монологически центрирована, она упорядочивает мир и познание единственно возможным способом, самопрозрачным для себя самого. Рефлексивность же – это самопонимание в результате коммуникативного сетевого соотнесения себя с Другими, со своими предшествующими состояниями, со всеми возможными интерпретациями своего положения в мире. В результате рефлексивный субъект оказывается одновременно и нейтральным (изначально пустым, никаким), и вовлеченным в ситуацию, в которой его «неспецифичность» обретает «окраску», сообразную событию. Если понимать рефлексю как «обращение назад», соотнесение себя со всеми своими состояниями в настоящем, прошлом и будущем, коммуникативное постижение себя через все взаимодействия с другими, то становится понятным, что рефлексия – не только мыслительная, но и практическая процедура, с помощью которой субъект полагает себя в бытии.

Специфика морали для такого субъекта определяется типом его бытия. Поэтому этика либо укореняется в онтологии, либо (у Э. Левинаса и М. Бахтина) сама оказывается в основе онтологии. Соответственно для субъекта «этики ответственности» нравствен-

ность определяется не содержанием ценностей, не способом регуляции, а способом бытия. Быть нравственным – значит быть особым образом.

Характерно и то, что эта особенность человеческого бытия является принудительной, от нее нельзя уклониться, это бытие, порождающее должествование. Мыслители XX века формулируют эту идею в различных терминах. Сартр пишет о человеке как «дырке в бытии»; Бахтин заявляет, что у человека «нет алиби в бытии»; Левинас утверждает, что человеческое бытие возникает в результате открытости и ответственности Другому; Ионас констатирует, что человеческое бытие разворачивается перед лицом живого; Хайдеггер пишет о разомкнутости как характеристике бытия-присутствия.

Поэтому собственно человеческое бытие характеризуется разомкнутостью, открытостью, зиянием, уязвимостью, невозможностью уклониться от своего призвания; это бытие-событие, в котором у нас нет алиби, это «бытие под вопросом». *Тот, кто есть так*, что он откликается на зов бытия, дает ответ на зов Другого в форме заботы, которая становится фундаментальной категорией «этики ответственности». Бытие нравственным – это субъект-субъектное, коммуникативное бытие, со-бытие с Другими и миром. При этом быть нравственным данному субъекту приходится в рисковом, хрупком, негарантированном мире, в бытии временном и временном, а не в вечности, производя бытие-событие, ситуативное бытие. В результате субъект пребывает не в мире универсальных принципов («этика долга») и вечных ценностей («этика блага»), а в мире смысла и его локальных универсализаций.

Наконец, бытие нравственным предполагает постоянное трансцендирование за границы своего Я, но не в вертикальной (к Богу, чистому разуму, иерархии трансцендентных ценностей), а в горизонтальной проекции (к Другому, к людям). В условиях, когда «Бог умер и люди остались одни» (Сартр), вывод состоит в том, что вся надежда только на человека. «Мир стал совершеннолетним» (Д. Бонхёффер), в нем надо действовать так, как будто Бог – это ты. Не воображать себя Богом, а наоборот, поступать так, как действовало бы всемогущее, всеблагое бессмертное существо в той конкретной конечной ситуации, в которой приходится действовать тебе. Соответственно важнейшей способностью морального субъекта становится сила, мощь, позволяющая ему реализоваться как активное начало в бытии и добиться результата, нравственных последствий поступка. И доброта, и должествование предполагают наличие у субъекта загадочных нравственных сил для их осуществления, однако в «этике

ответственности» сила становится главной моральной способностью субъекта.

Таким образом, моральный субъект «этики ответственности» имеет онтологическую структуру, является индивидуальным, рефлексивным, способным к самопреобразованию, могущественным, коммуникативным, открытым к Другому.

Подводя итоги на основании выделенных параметров, можно сравнить три типа теории морали в таблице.

Сравнение трех типов теории морали

Параметры сравнения	Этика		
	блага	долга	ответственности
<i>Ключевая категория</i>	добро	долг	ответственность
<i>Сущность морали</i>	ценностная ориентация	нормативная регуляция	ответственное поведение
<i>Специфика морали</i>	содержание, ценностное содержание	форма, способ регуляции	тип бытия субъекта поступок смысл
<i>Моральный субъект</i>	Добродетельный социально адаптированный	рациональный автономный	открытый Другому способный к самопреобразованию коммуникативный
<i>способность морального субъекта</i>	добродетель способность делать добро	разум способность исполнять долг	могущество (разумное, добродетельное) способность разрешать проблемные ситуации, брать на себя ответственность
<i>Тип общества</i>	традиционное	модерное (modern)	современное (contemporary)
<i>Представители в истории этических учений</i>	Аристотель Гельвеций Шелер Макинтайр и др.	Кант Лютер стоики Дж. Ролз и др.	Сартр Хабермас Левинас Йонас Рикёр Апель и др.

В «этике блага» *сущность морали* раскрывается через ее содержание (ценностную ориентацию на категорию добра); в «этике долга» – через ее форму (специфический способ нормативной регу-

ляции); в «этике ответственности» – через ее смысл, выявленный в ответственном поведении.

Специфика морали в «этике блага» определяется спецификой ее нормативно-ценностного содержания (добра); в «этике долга» – способом регуляции (долженствованием); в «этике ответственности» – типом бытия морального субъекта (производящего смысл).

Для «этики блага» *быть нравственным* – означает делать добро; для «этики долга» – исполнять долг; для «этики ответственности» – разрешать проблемные ситуации, брать на себя ответственность.

Субъектом «этики блага» выступает добродетельный социально адаптированный человек; «этики долга» – автономный рациональный индивид; «этики ответственности» – сильная, открытая Другому личность.

Наконец, *средством достижения* моральной цели, ее инструментом в «этике блага» является добродетель, позволяющая сделать добро; в «этике долга» – разум, дающий возможность понять и исполнить долг; в «этике ответственности» – сила, которая позволяет взять на себя ответственность.

Таким образом, сравнение «этики блага» и «этики долга» с «этикой ответственности» по ключевым параметрам, характеризующим любую теорию морали, позволяет обосновать существование «этики ответственности» как особого типа теории морали, способного стать основой нравственной жизни современного человека.

Список литературы

1. Адорно Т. Проблемы философии морали / пер. с нем. М.Л. Хорькова. М., 2000. 239 с.
2. Андреевский И.Е. Благо, добро // Словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1891. Т. IV(7). С. 40–41.
3. Апресян Р.Г. Добро [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH010f9bc8de84b3c231713f0f> (дата обращения: 30.11.2021).
4. Апресян Р.Г. Понятие общественной морали. Послесловие к дискуссии // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 60–72.
5. Апресян Р.Г. Этика. М., 2017. 356 с.
6. Арендт Х. Ответственность и суждение. М., 2013. 352 с.
7. Беляева Е. В. Мораль «модернити» в этике И. Канта // Свободная мысль–XXI. 2009. № 4. С. 183–194.

8. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв.: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М., 1990. С. 644–706.

9. Гусейнов А.А. Закон и поступок (Аристотель, Кант, М. Бахтин) // Этическая мысль. 2001. С. 3–26.

10. Домусчи С. Происхождение ответственности: социальный и религиозный аспект (Лингво-богословское эссе) // Проблема «свобода vs. ответственность» в философско-богословских дискурсах современности: тезисы докладов XXVII Междунар. Рождественских образовательных чтений (Москва, 29 янв. 2019 г.) / Отв. ред. С. Л. Катречко. М., 2019. С. 18–21.

11. Ионас Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем., предисл., примеч. И. И. Миханькова. М., 2004. 480 с

12. Канке В.А. Этика ответственности. Теория морали будущего. М., 2003. 352 с.

13. Красухин К.Г. Грамматическое выражение долженствования в древнейших индоевропейских законодательных текстах // Логический анализ языка: Языки этики : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова и др. М., 2000. С. 263–270.

14. Меньчиков Г.П. Детерминизм XXI: проблемы и решения. М., 2015. 96 с.

15. Прокофьев А.В. Справедливость и ответственность. Тула, 2006. 277 с.

16. Проблемы этики: Философско-этический альманах. Выпуск V. Часть I: Материалы конференции «Моральная ответственность в современном мире», посвященной 75-летию академика РАН А.А. Гусейнова / под ред. А.В. Разина, И.А. Авдеевой. М., 2015. 240 с.

17. Сачков Ю.В. Детерминизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b45532a2c2c9ae35a140> (дата обращения: 30.11.2021).

18. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.